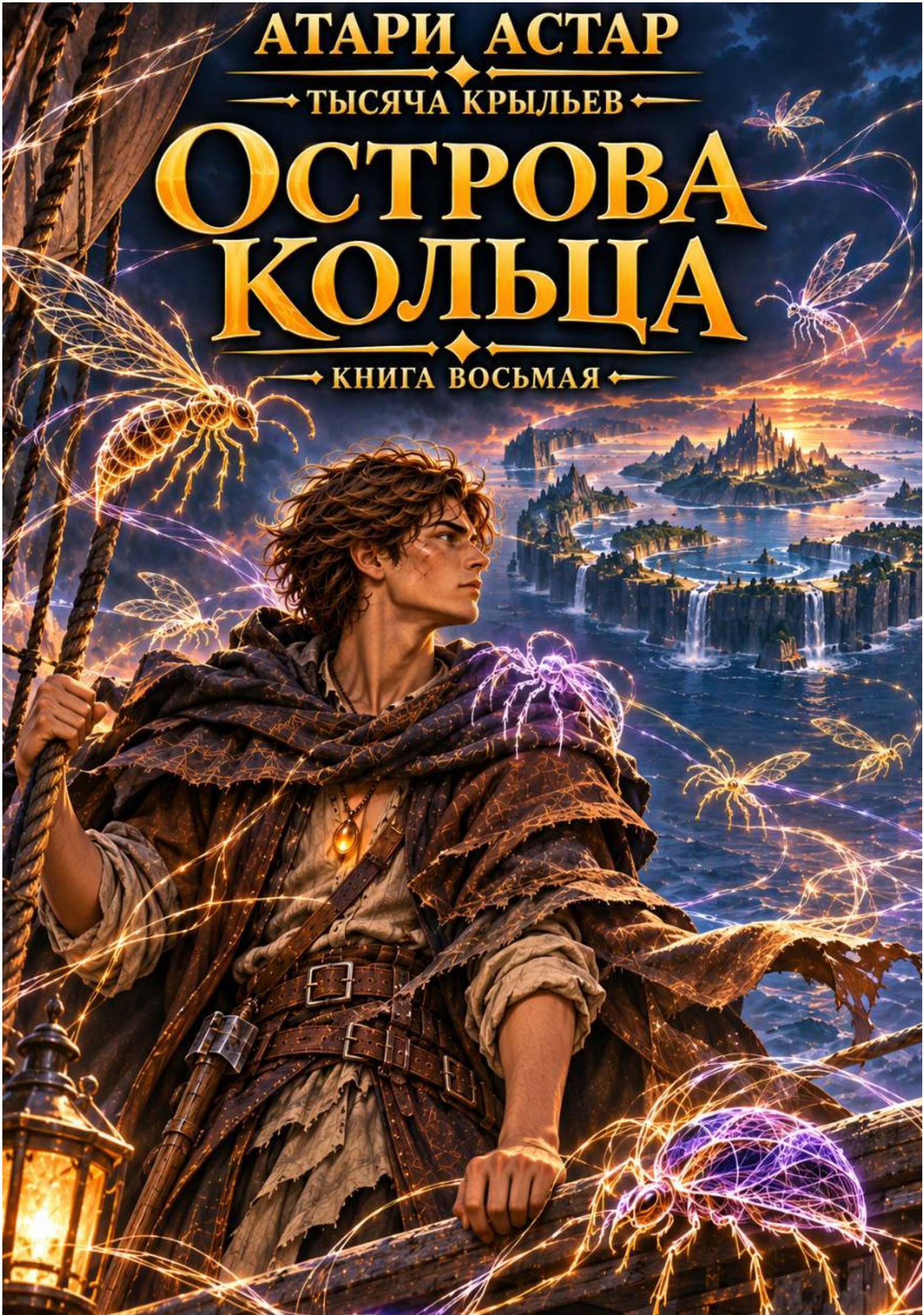

АТАРИ АСТАР
ТЫСЯЧА КРЫЛЬЕВ
ОСТРОВА КОЛЬЦА
КНИГА ВОСЬМАЯ

Атари Астар

Острова Кольца

«Тайниковский»

2026

Астар А.

Острова Кольца / А. Астар — «Тайниковский», 2026

Я всего лишь лесоруб. Правда, теперь у меня сорок три магические нити, целая армия насекомых и столько врагов, что проще перечислить друзей.Но есть одна вещь, которую я до сих пор не смог сделать.Вернуть домой свою бабушку.Её зовут Сэра. Когда-то она обладала силой, перед которой склонялись даже сильнейшие маги. А теперь её держат на островах, куда не добраться без разрешения тех, кто привык распоряжаться чужими жизнями.И чтобы узнать, где она, мне придётся заключить сделку с бывшим убийцей, отправиться в горы к забытому Посту и разобраться с тайнами, которые старше меня самого.А потом пересечь море.Там меня ждут Острова Кольца. Двенадцать могущественных правителей, древняя магия и человек, которого боятся даже они.Говорят, против такой силы у меня нет ни единого шанса.Возможно, они правы.Но я ведь не собираюсь сражаться в одиночку.У меня есть друзья. У меня есть рой.И если понадобится, я сплету столько крыльев, что за ними померкнет солнце.

© Астар А., 2026
© Тайниковский, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо ветвей 6
Глава 2. Северная терраса 13
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Острова Кольца

Тысяча крыльев

Глава 1. Письмо ветвей

Зимой река под мостом встала, и я научился летать над льдом.

Не сразу. Первый раз, в январе, оса поднялась с телёнка, протащила меня над торосами шагов сто, и я свалился в сугроб у берега, и меня рвало до обеда, и Мэб сказала, что если я ещё раз сделаю это на пустой желудок, она сама меня утопит в проруби. Второй раз я поел. Вышло двести шагов. Третий раз триста.

К концу февраля оса держала меня, пока я считал до трёхсот вдохов. Потом я её отпускал, сам, на льду, не дожидаясь, пока она отпустит меня. Корр стоял на перилах моста и записывал. Каждый раз. Он завёл для этого отдельную тетрадь и написал на обложке: «Гарганта. Наблюдения. Не трогать». Ив, конечно, трогал.

Бурого с дом я на мосту не звал. Мэб запретила. Она сказала, что мост строили семьсот лет и что она не хочет, чтобы его доломал жук. Я спорил. Вард посмотрел на меня одним глазом, и я перестал спорить.

Вдову звал дважды. Один раз, когда льдина ударила в шестую опору и у рыбаков под мостом оборвало сети. Вдова сплела новые за двадцать вдохов, прямо в воде, и рыбаки потом неделю приносили Мэб рыбу. Второй раз просто так. Чтобы посмотреть, смогу ли я её удержать дольше. Смог. Пятьсот вдохов. Потом сидел у трубы и трясся.

Светляка звал один раз. В новогоднюю ночь, над рекой, высоко. Без вспышки. Просто чтобы светил. Весь Истмар вышел на набережные смотреть. Дети на мосту говорили потом, что это была луна, которая спустилась посмотреть на праздник.

* * *

Сорок три нити. За зиму прибавилась одна.

Я сидел каждое утро на крыше седьмой опоры, у трубы, как всё позапрошлое лето. Отпускал всех, кроме Королевы и стеклянной осы. И искал.

Не стену. Стену я больше не искал. Я знал, где она. Далеко. Я искал другое.

«Не в себе. Вокруг себя».

Голос держал тени вокруг себя. Вся гавань Ксарета была его. Я помнил это ощущение, когда его тени встали над водой. Как будто вода в реке вдруг поднялась и пошла против течения, по его слову.

Я пробовал. Каждое утро. Держать рой не в себе. Вокруг. Как будто нити шли не из меня, а из воздуха вокруг меня. Как будто я не улей, а сад, в котором стоят ульи.

Не выходило. Нити шли из меня, как всегда. Я держал их, как всегда. В себе. Плотно, тяжело, как держат в руках сорок три верёвки.

— Не торопись, — ответил Корр, когда я рассказал ему. Алхимик сидел на полу мастерской среди листов. — Ты Фаэр полгода. Я знаю людей, которые были Фаэрами тридцать лет и не дошли.

— А вы?

Корр посмотрел на меня поверх очков.

— Я дошёл до своей стены давно, — произнёс он. — И сел у неё. И сижу до сих пор, — алхимик вернулся к своим листам. — Это не стыдно, мальчик. У стены можно жить. Я вот книгу пишу.

* * *

Ив вырос за зиму.

Не ростом. Ростом тоже, на полголовы, и Лейнова рубаха стала ему почти впору. Но не только. Он стал разговаривать. Много. Обо всём. Он спрашивал у Мэб, почему тесто поднимается, у Корра, почему лёд плавает, у Горста, почему он всегда стоит у двери, у Варда, почему у

него один глаз. Вард ответил ему. Я не знаю что. Ив потом неделю ходил задумчивый и никому не рассказывал.

Он играл с Лейном в лёд и огонь каждый вечер. Ведро с водой у Мэбиной двери. Ив морозит, Лейн греет. Кто первый устанет. К февралю Ив стал побеждать чаще.

— Я расту, — очень серьёзно сообщил он мне. — Лейн сказал, я расту быстрее, чем он рос. Это правда?

— Не знаю, — ответил я. — Иса?

— Правда, — подтвердила Иса из-за стола, не поднимая головы от купчих.

Ив подпрыгнул. На полу под ним выступил иней и растаял.

Бусину Ады он носил на шнурке на шее. Как я каплю. Он сам так захотел. Иногда, когда ему становилось слишком холодно внутри, он сжимал её в кулаке. Иней на кулаке выступал и таял. «Можно держать ладонью», говорил он себе тогда, шёпотом. Я слышал, как он это говорит. Ада бы порадовалась.

* * *

Кассиан зимовал на мосту.

Он жил в комнатке над Мэбиной кухней, той, где когда-то жила Нэлла, и спал там каждую ночь. Лёжа. Мэб проверяла. Днём он сидел с Исой над купчими дома Орре, которые возил с собой в двух сундуках, и они составляли иски. Иски уходили в суд Истмара, в Тирру, в Ксарет. Половина возвращалась с отказами. Половина с деньгами.

К марту Кассиан выкупил ещё двадцать три человека. Не ездя никуда. По почте. Через суды.

— Восемьдесят, — объявил он мне однажды вечером за ужином. — Лесоруб, ты понимаешь? Я сижу на мосту, ем Мэбины пироги и выкупаю людей. Я ни разу не торговался.

— Ты судился.

— Это лучше, — возразил Кассиан. — Когда торгуешься, ты платишь, сколько скажут. Когда судишься, они платят, сколько скажет закон, — он посмотрел на Ису. — А закон теперь говорит то, что прочитает Иса.

— Это неправда, — отозвалась счетовод. — Закон говорит то, что в нём написано. Я только читаю.

— Горько? — спросил Кассиан.

— Нет, — ответила Иса и покраснела. — Это правда. Но не вся.

* * *

Бо зимой стоял у двери.

Рядом с Горстом. С другой стороны. Каждый день, с утра до вечера. Они не разговаривали. Мэб говорила, что у неё на лестнице теперь две двери, обе из мяса, и что ей это нравится больше, чем одна.

Однажды в феврале пьяный грузчик с набережной полез на мост ночью, с ломом, ломать замок на Корровой мастерской. Он не дошёл до мастерской. Он дошёл до двери седьмой опоры, где стояли Бо и Горст. Утром его нашли на льду под мостом, живого, трезвого, сидящего очень прямо. Он сказал стражникам, что упал сам. Больше он ничего не сказал.

Рия всю зиму держала печати на двоих. Потом на троих. В феврале она держала печать на Корровой мастерской, на Мэбиной кладовой и на двери Уны, одновременно, и при этом пекла с Мэб хлеб. Мэб сказала, что Рия печёт лучше, чем держит печати. Рия обиделась. Потом испекла каравай с печатью горна на корке, и каравай целый день не остывал.

Лейн научился греть на расстоянии. Не огнём. Теплом. Он садился у постели старой Одды на втором ярусе, у которой зимой болели кости, и грел ей колени, не касаясь, с трёх шагов. Одда говорила, что это лучше, чем любая лекарка. Лейн краснел.

* * *

Сэлин зимой пела.

Она ходила по утрам к Уне, в её комнату на третьем ярусе седьмой опоры, и они сидели там вдвоём и пели. Без звука. Ладонями на камне. Как Тиль научилась у Нель. Уна знала эти песни. Из Сада. Морна учила её девочкой, давным-давно, прежде чем Уна ушла к Варду.

Я спросил Сэлин, о чём они поют.

— О Сэре, — ответила островитянка. — Уна её не знала. Но знала тех, кто знал. Она мне рассказывает. Тэйн. Твоя бабушка пела так, что Морна до сих пор не может об этом говорить. У Сэры Искра была «как море». Ты слышал. Но это не только про силу. Это про то, что когда она пела, все, кто слушал, плакали. Даже стражники. Даже Кольцо.

— Её поэтому держат?

— Не знаю, — пожала плечами Сэлин. — Может быть. Уна думает, что да.

Письмо матери лежало в шкатулке Мэб, с нитками. Сэлин его не перечитывала. Только иногда открывала шкатулку и смотрела, на месте ли.

* * *

Тессар пришёл в середине марта.

Лёд на реке уже треснул и пошёл. Мост стоял над ледоходом, и опоры гудели, когда в них ударялись льдины. Тессар шёл по мосту с северного берега, в сером дорожном плаще, с зелёным жуком на воротнике, и жители моста смотрели на жука, как на диковину. Пип и Тоби бежали за ним до самой седьмой опоры.

Стеклянная оса на моём плече зазвенела раньше, чем я его увидел. Громко. Королева рядом с ней подняла голову.

— Здравствуй, наследник ос, — произнёс Тессар.

— Я не наследник.

— Это пока не решено, — возразил гость и улыбнулся. За полгода он стал как-то увереннее. Прямее. — Я принёс письмо. Два. Одно от ветвей. Другое от неё.

Мы сели на кухне у Мэб. Мэб поставила перед Тессаром хлеб и миску супа и посмотрела на него долго.

— Худой, — заключила она.

— Я ехал три недели, — ответил Тессар.

— Всё равно худой, — отрезала Мэб.

* * *

Первое письмо было тяжёлое. Плотная бумага, двенадцать печатей внизу. Двенадцать насекомых. Рогатый жук. Зелёный жук. Муравей. Бабочка. Саранча. Другие. И посередине оса.

Иса читала вслух. Она теперь читала письмо дома свободно, книга Гедды за зиму стала у неё как молитвенник.

«Совет двенадцати ветвей дома, собравшись в Зале королев в первый день весны, постановил.

Первое. Тэйн, сын Каэлена, сына Эвейры, есть кровь дома и гость дома во всякое время, без приглашения.

Второе. Вопрос о тринадцатой ветви, которой не бывает, Совет решит, когда кровь дома вернётся в дом и скажет, кто он. Совет будет ждать.

Третье. Аверан, сын Эвейры, сидит в нижнем архиве по слову крови. Он переписал первую книгу дома. Начал вторую. Совет считает, что слово крови исполняется.

Четвёртое. Ветвь рогатых просит передать, что Ориса, дочь Хальмы, вернулась из Немой губы. Тава велела ей лечь, и она легла. Ориса просит передать, что спала там девять дней и что это лучшее, что с ней случилось за двадцать три года».

Иса остановилась. Положила ладонь на последние строчки.

— Правда, — тихо произнесла она. — Всё. И последнее тоже.

* * *

Второе письмо было маленькое. Тонкий лист, сложенный вчетверо. Одна печать. Оса.

Почерк неровный, старый, с дрожащими линиями.

Я развернул сам.

«Внук.

Я слушаю. Ты говорил громко всю зиму. Спасибо. Я слышала, как ты летаешь над рекой. Я слышала, как женщина на кухне грозит тебя утопить. Я её люблю.

Ты ищешь, что за стеной. Твой отец тоже искал. Он дошёл до Игнара в тридцать. Он сказал мне тогда одну вещь, которую я не поняла. Может быть, ты поймёшь. Он сказал: «Мама, это как перестать держать воду в ладонях и стать берегом».

Найди её. Найди мать её. Возвращайся.

Э.»

Я сидел и держал лист. Долго.

— Тэйн? — позвала Тиль.

— Он дошёл до Игнара, — ответил я. — В тридцать.

Корр, который сидел в углу, перестал писать.

— В тридцать, — повторил он. — Это очень рано, мальчик. Очень. Таких за сто лет двое-трое.

«Перестать держать воду в ладонях и стать берегом». Я повторил это про себя. Раз. Другой. Не понял. Но запомнил.

* * *

Вечером я пошёл к Варду.

Он сидел на скамье у реки, на нижнем ярусе седьмой опоры, где сидел всегда. Смотрел на ледоход. Льдины шли мимо, белые, серые, с вмёрзшими ветками, и одна, большая, с вмёрзшей в неё старой лодкой. Вард смотрел на лодку, пока она не ушла под пролёт.

Я сел рядом. Показал ему письмо. Он прочитал одним глазом. Долго.

— Тридцать, — произнёс он.

— Корр говорит, это очень рано.

— Это очень рано, — согласился Вард. — Я его видел. Тогда, двадцать шесть лет назад, когда он пришёл ко мне под мост с прошением. Он был Игнар. Я не понял сразу. Я понял потом, когда он ушёл, и в мастерской ещё час было тепло, как будто в ней стояла печь, — он помолчал. — Каэлен не держал тепло. Он просто был тёплым. Всё вокруг него.

— «Стать берегом».

— Не знаю, что это значит, — признался старик. — Я не Игнар, — он посмотрел на реку. — Спроси Уну.

— Уна скажет?

— Уна не скажет, — ответил Вард. — Уна покажет. Если захочет.

Я пошёл к Уне на следующее утро. Она сидела у окна в своей комнате на третьем ярусе и смотрела на реку, как Вард. Я спросил. Она долго молчала.

Потом встала, взяла со стола кружку с водой и вылила воду себе на ладонь.

Вода не пролилась. Она лежала на ладони, как лежит в чашке. Потом Уна опустила руку, и вода осталась. В воздухе. Там, где была ладонь. Круглым прозрачным комком. Уна отошла на шаг. Вода висела.

— Ладонь держит, — произнесла Уна. — Берег не держит. Берег просто есть. А вода сама решает, что ей рядом с ним делать.

Потом вода упала на пол. Уна села обратно к окну.

— Больше не покажу, — добавила прачка. — Иди. Тебе рано.

Я ушёл. Я не понял ничего. Только то, что мне рано.

* * *

Тессар остался на мосту. Он сказал, что ветви велели ему держаться меня, пока я не вернусь домой. Мэб отвела ему комнату рядом с Кассиановой. Тессар и Кассиан посмотрели

друг на друга, как смотрят два кота в одном сарае, и потом весь вечер спорили о том, чей закон старше, ксаретский или домашний. Иса слушала и время от времени говорила «горько» то одному, то другому. К полуночи они помирились.

Сорен пришёл ко мне на крышу ночью.

Он за зиму научился шагать на шестьдесят шагов. С моста на набережную. С набережной на крышу таможни. Сэлин держала ему тень на нитке, и он шагал всё дальше, и она ловила всё быстрее. Однажды в феврале он шагнул через реку. Сто двадцать шагов. Шагнул и упал на том берегу в сугроб, и лежал, и смеялся. Сэлин держала нить, и нить выдержала.

— Мы скоро? — спросил он.

— Скоро, — ответил я. — Как только Иса вернётся от Ферна.

Иса уехала в столицу через три дня после Тессара. Одна. Сказала, что так быстрее. Что Ферн её знает, а меня Канцелярия боится. Что если я приеду, все будут смотреть на мою Королеву и думать, не прилетит ли она к ним в окно. А если приедет Иса, все будут смотреть на её бумаги.

— Ты ей веришь? — спросил Сорен.

— Иса не врёт, — ответил я.

— Я не про Ису, — покачал головой разведчик. — Я про Иверну.

Я долго молчал.

— Не знаю, — признался я. — Иверна никогда не врала мне. Она просто не всё говорит.

* * *

Дагмар пришла в конце марта.

Чёрный корабль встал у Тиррской пристани, в двух днях пути вниз по реке. Дагмар поднялась к нам по реке на барже, вместе с бочками рыбы. Она взошла на мост, уперев руки в бока, и посмотрела на Мэб, которая стояла на пороге кухни.

— Ты, — произнесла Мэб.

— Я, — ответила Дагмар.

Мэб дала ей хлеб. Дагмар взяла. Откусила. Посмотрела на Мэб долго.

— Не хуже, чем в прошлый раз, — заключила Дагмар.

— Лучше, — поправила Мэб.

— Может быть, — уступила лоцманская дочь. Это было, кажется, самое большое, что она за всю жизнь сказала кому-то хорошее.

Она привезла новости. Ханнек женился. На вдове из тех сорока семи. У девочки, той, что нашла мать на причале, теперь есть отчим, и он учит её вязать морские узлы. Морской двор в Тирре дал Ханнеку должность смотрителя пристани. Ханнек отказался. Сказал, что лучше будет ходить на корабле Дагмар.

— Я его не взяла, — хмыкнула Дагмар. — Женатому на корабле нечего делать. Пусть сидит на пристани, — она сплюнула в реку. — Через год прибежит. Все прибегают.

* * *

Тиль слушала реку.

Каждый вечер она сидела на краю моста, свесив ноги, и слушала. Ледоход, потом паводок, потом весеннюю воду. Она говорила, что река поёт иначе, чем море. Море поёт одну песню, длинную, бесконечную. А река каждый день разную.

Однажды в конце марта она пришла ко мне на крышу. Села рядом.

— Тэйн, — позвала она. — Я слышу кого-то на набережной. Каждую ночь. Неделю.

— Кого?

— Не знаю, — ответила Тиль. — Человек. Стоит у фонаря напротив седьмой опоры. Час. Потом уходит. Он не дышит, как все. Ровно. Слишком ровно, — девочка нахмурилась. — И он записывает. Я слышу, как перо скрипит. Мелко-мелко. Быстро.

Я посмотрел на набережную. Фонарь напротив седьмой опоры горел жёлтым. Под ним никого не было.

— Сейчас?

— Ушёл, — шепнула девочка. — Только что. Как ты повернулся.

Я выпустил ищейку. Она пошла к фонарю, низко над водой. Покружила. Ничего. Камень мостовой. Лужа. Окурок. Ни следа эфира. Ни запаха.

Ищейки ведут к хозяину эфира. Если эфира нет, им некуда вести.

Или если его прячут.

На следующую ночь Сорен сидел на крыше таможни, напротив фонаря. Он сам вызвался. Сказал, что до фонаря сорок шагов, тени есть, а если человек стоит у фонаря, то и тень у него есть. Сэлин держала ему нитку с моста.

Человек пришёл в полночь. Тиль услышала первой и стукнула мне в стену. Я открыл Око.

Под фонарём стоял кто-то в сером. Невысокий. В плаще с капюшоном. Я видел его глазами вдовы на перилах, глазами бурого в доске набережной, глазами светляка, который висел над рекой. Со всех сторон сразу. Но лица я не видел. Капюшон.

Он стоял и смотрел на седьмую опору. В руке у него была маленькая книжка, и он писал в ней. Быстро.

Сорен шагнул.

Тень под фонарём была. Короткая, резкая, от жёлтого огня. Сорен вышел из неё за спиной у человека в сером.

И человек в сером закрыл книжку и сказал, не оборачиваясь:

— Доброй ночи, господин Сорен.

Женский голос. Спокойный. Сорен застыл.

Человек в сером отошёл от фонаря на два шага. В темноту. Туда, где тени не было, потому что фонарь светил в другую сторону. И пропал. Не шагнул. Просто ушёл, быстро, по тёмной стороне улицы, и я потерял его даже Оком.

Сорен вернулся на мост через полчаса. Пешком, по набережной. В руке у него было перо. Тонкое, стальное, с обломанным кончиком. Он нашёл его на мостовой под фонарём.

— Она его сломала, — произнёс Сорен. — Когда я шагнул. Нажала слишком сильно, — разведчик положил перо на стол. — Тэйн. Она знала, как меня зовут.

Иса потом сказала, что такими перьями пишут в Реестре. Стальными, мелкими, тиррской работы. В лавках таких не продают.

* * *

Иса вернулась в первый день апреля.

Она пришла по мосту пешком, с дорожной сумкой через плечо, усталая, пыльная. Мэб сунула ей хлеб, не дождавшись, пока та поднимется по ступеням. Иса взяла хлеб, не глядя, и пошла прямо ко мне. На крышу. Через три лестницы.

Она села рядом со мной у трубы и долго дышала.

— Ферн согласен, — наконец произнесла она. — Он говорил с Иверной. Иверна согласна говорить. С тобой. В Сером дворе. Через неделю.

— Об Остере?

— Об Остере, — кивнула Иса. — И ещё о чём-то. Она не сказала. Сказала: «Пусть приезжает. У меня для него есть Пост».

— Пост?

— Так она сказала, — пожала плечами счетовод. — Пост. Больше ничего.

Она достала из сумки маленький лист. Записку. Простую бумагу, сложенную вдвое. Подала мне.

Почерк был мелкий, аккуратный. Быстрый. Почерк человека, который привык записывать много.

«Господину Тэйну. Серый двор, восьмое апреля, на закате. Северная терраса. Без счетовода. Можно с девочкой. И.»

Я смотрел на почерк.

Потом сунул руку в карман. Нащупал там, среди камешков, узла и деревянного жука, сложенный лист. Тот, что пришёл в декабре. Достал. Развернул.

«Поздравляю с Фаэром. Острова ждут. Не опаздывай».

Положил рядом с запиской.

Иса смотрела на два листа. Я видел, как у неё побелели губы.

— Тэйн, — очень тихо произнесла она. — Я заметила ещё в столице. Когда она дала мне записку. Я не поверила. Думала, мне кажется. Ехала шесть дней и думала, что кажется.

Она положила ладонь на оба листа сразу.

— Одна рука, — прошептала Иса. — Это она.

Глава 2. Северная терраса

До столицы ехали пять дней. Я, Иса и Сорен. Сорен сказал, что не поедет в Серый двор, но поедет до ворот. Что если Иверна меня запрёт, кто-то должен будет вытащить. Иса сказала, что Иверна меня не запрёт. Сорен спросил, правда ли. Иса сказала, что не знает, потому что Иверны рядом нет. Сорен сказал, что тогда поедет.

Остальные остались на мосту. Тиль, Сэлин, Бо, Тессар, Кассиан. Дагмар чинила корабль в Тирре и обещала ждать до мая. «Не дольше, — сказала она. — В июне на юге штормы. Я не хочу тонуть из-за твоих бумаг, лесоруб».

Стеклянная оса бабушки ехала со мной. На плече, рядом с Королевой. На второй день пути она перестала звенеть по утрам. Я испугался. Тиль бы поняла, но Тиль осталась на мосту.

— Она слушает, — пояснила Иса. — Когда слушают, молчат.

— Ты откуда знаешь?

— Я тоже так делаю, — ответила счетовод.

* * *

Серый двор стоял на Северном холме, как стоял всегда.

Белая лестница, двести ступеней. Я считал, когда поднимался по ней первый раз, в восемнадцать. Тогда у меня тряслись колени. Сейчас колени были тяжёлые, как у Фаэра, и на сто восьмидесятой ступени начали болеть. Иса шла рядом и считала вслух. Она всегда считает ступени вслух, когда ей страшно.

Серая стена. Железные ворота. Над воротами герб. Книга и глаз. Глаз смотрел на меня, куда бы я ни встал. Я помнил, как это было неприятно в восемнадцать. Сейчас тоже было неприятно.

Сорен остался у ворот. Сел на ступени в тени стены. Положил руки на колени.

— Если что, крикни, — попросил он.

— Ты услышишь?

— Сэлин бы услышала, — ответил Сорен. — Я услышу, если громко, — разведчик посмотрел на герб над воротами. — Глаз противный. Я на него посмотрю, а он на меня. Посмотрим, кто первый моргнёт.

* * *

Северная терраса была длинная, каменная, с балюстрадой, с видом на весь город. Крыши, шпили, Семь Арок акведука вдалеке. Солнце садилось за городом, и всё внизу было красное и золотое.

Иверна стояла у балюстрады. В сером. Простое закрытое платье, как всегда. Светлые глаза, почти бесцветные. Возраст не определить. Маленькая книжка в руке. Она стояла спиной ко мне и смотрела на город.

— Добрый вечер, господин Тэйн, — произнесла она, не оборачиваясь. — Вы опять вовремя.

— Добрый вечер.

Она обернулась. Посмотрела на меня. Потом на Королеву на плече. Потом на стеклянную осу рядом с Королевой. Её бесцветные глаза задержались на осе дольше.

— Стекло, — заметила Иверна. — Значит, вы до неё дошли.

Иса стояла рядом со мной. Она держала в руках два листа. Записку Иверны и декабрьское письмо. Она не стала ждать, пока я заговорю.

— Одна рука, — сказала Иса и протянула Иверне оба листа.

* * *

Иверна взяла листы. Посмотрела. Не на почерк. На Ису.

— Вы очень выросли, госпожа Иса, — произнесла женщина в сером. — Пять лет назад вы слышали горечь только в голосе. Теперь в буквах.

— Это вы? — спросила Иса.

— Это я, — ответила Иверна.

Она отдала листы обратно. Иса взяла их и прижала к груди.

— Правда, — тихо сказала мне счетовод. — Всё правда.

Иверна отвернулась к городу. Солнце уже село наполовину.

— Спрашивайте, господин Тэйн, — произнесла она. — Сегодня я отвечаю. Это редкость. Пользуйтесь.

* * *

— «Жив», — начал я. — Четыре года назад. Бабушке за море. Это тоже вы?

— Тоже я.

— Зачем?

Иверна долго молчала. Она открыла свою маленькую книжку, полистала, закрыла.

— Восемнадцать лет Реестр искал вас, — заговорила она. — Я говорила вам. Чтобы найти раньше них. Раньше Серпа. Раньше Кольца. Раньше тех, кто ставит печати разомкнутым кольцом, — она посмотрела на меня. — Я нашла. Вас. В Ардейле, на освидетельствовании. Вы стояли в Железном зале, и Камень вспыхнул так, что толстый спросил «слепящий?», — Иверна чуть улыбнулась. — Я написала тогда в деле одно слово. «Нашёлся». Подчеркнула дважды. Вы видели.

— Видел.

— А потом я подумала, — продолжила Иверна. — Нашёлся. Хорошо. А дальше? Реестр может найти. Реестр может записать. Реестр может держать в Крыле Вёсен, пока не дозреет. Но Реестр не может защитить от Кольца. Кольцо сильнее Реестра. Кольцо сильнее Империи, если честно. Империя просто об этом не говорит.

Она закрыла книжку.

— Тогда я подумала: кто сильнее Кольца? Кто за морем может сказать Кольцу «нет»? — она посмотрела на стеклянную осу у меня на плече. — Я знала из дела о чужеземце, что у Каэлена была мать. Королева дома, которого Кольцо не трогает. Я нашла, как писать за море без оттиска. И написала. Описание. И одно слово. Чтобы она знала, что вы есть.

— Она двадцать восемь лет молчала.

— Я знаю, — кивнула Иверна. — Я не знала, услышит ли она. Я надеялась. Она услышала. Через четыре года. Но услышала.

* * *

— Иса?

— Правда, — ответила Иса. — Всё правда, — потом, тише: — Тэйн. Она это делала не по службе. Я слышу. Это… — счетовод поискала слово. — Это её.

Иверна посмотрела на Ису. Без улыбки. Долго.

— Да, — произнесла женщина в сером. — Моё.

— А декабрьское? — спросил я. — «Поздравляю с Фаэром. Острова ждут».

— Тоже моё, — ответила Иверна. — Я была рада. Это редко бывает. Я записала у себя в книжке: «Фаэр. В двадцать два. Над детьми». И подумала, что надо сказать. Лично я не могла. Реестр не поздравляет, — она чуть пожала плечами. — Тёмный воск поздравляет.

— А «острова ждут»?

— Потому что ждут, — сказала она. — Ваша мать. Её мать. И Кольцо, господин Тэйн. Кольцо тоже ждёт. Голос сказал вам: «когда созреешь». Я хотела, чтобы вы не опоздали. Чтобы вы пришли на острова раньше, чем созреете. Пока вас ещё не ждут по-настоящему.

* * *

— Свод в Горле, — продолжил я. — Тоннель под горой у дома рода. Его обрушили. Над нами. Наёмники. Деньги вперёд, записка на тёмном воске без оттиска. Это вы?

Иверна повернулась ко мне. Медленно. В первый раз за вечер на её лице было что-то, кроме спокойствия.

— Нет, — ответила она.

— Перевал? Мост через ущелье. Маг с ветром, горцы с солью. Тоже записка на тёмном воске.

— Нет, — повторила Иверна. — Я пишу, господин Тэйн. Я не нанимаю. Я никогда никого не нанимала убивать. Ни за морем, ни здесь.

Иса смотрела на неё. Я ждал.

— Правда, — медленно произнесла Иса. — Это правда. И… ей страшно. Тэйн, ей стало страшно, когда ты сказал.

Иверна открыла книжку. Что-то записала. Быстро. Мелко. Потом закрыла.

— Тёмный воск без оттиска я покупаю у одного свечника, — сказала она. — На Канатной улице в Тирре. Он делает его для тех, кто пишет за море и не хочет, чтобы знали, кто. Таких немного, — женщина в сером помолчала. — Я узнаю, кто ещё у него покупал. Это я умею.

— Вы стояли у фонаря, — напомнил я. — На набережной. Напротив моста. Неделю.

— Стояла, — призналась Иверна. — Я хотела посмотреть, готовы ли вы. Прежде чем звать, — она посмотрела на меня. — Ваш вор шагнул ко мне на шестую ночь. Хорошо шагнул. Я сломала перо. Передайте ему, что это было его первое попадание по Реестру. Пусть гордится.

* * *

Солнце село. Внизу город зажигал огни.

— Остер, — произнёс я.

— Остер, — кивнула Иверна. — Да. Вам нужен Остер. Вам нужен остров. За Остера вам скажут остров, — она смотрела на огни. — Ирвен хочет его назад. Я знаю. Я давно знаю, что он хочет.

— Отдадите?

— Остер убивал, — ответила она. — Здесь. В Империи. Это записано. Империя не отдаёт тех, кто убивал. Но Империя отдаёт тех, кого обменивает. Это тоже записано. В законе о пленных. Иса знает.

— Знаю, — подтвердила счетовод. — Пункт девятый. Пленный чужой гильдии может быть отдан под поручительство, если поручитель предоставит Империи равноценное.

— Что равноценное? — спросил я.

Иверна повернулась ко мне.

— Пост, — ответила она.

* * *

Она открыла свою маленькую книжку. Нашла страницу. Показала мне. Мелкий, аккуратный почерк. Список.

Посты. Семь. Против каждого пометка. Я знал этот список. Иса вынула его у Морвейна прошлой осенью. Второй, Белые дюны: «устойчив». Мы там были. Ада, Эмрис, сколопендра. Седьмой: «передан гильдии под мостом навечно». Пятый: «утрачен».

Четвёртый, Чёрный распадок. «Устойчив. Смотритель сменён».

Под этим Иверна приписала. Свежими чернилами. Зимой.

«Донесений нет с декабря».

— Четвёртый Пост, — произнесла Иверна. — На западе, в горах Хэлмской гряды. Чёрный распадок. Ущелье, шахты, старая крепость. Там Спящий. Шестьдесят с лишним лет. Смотрителя сменили два года назад. Новый писал донесения исправно, каждый месяц: «Спящий спокоен. Соли не требуется». Как на Втором. Помните?

— Помню.

— Каждый месяц, — продолжила она. — Одними и теми же словами. Одним и тем же почерком. Потом в декабре перестал, — Иверна закрыла книжку. — Служба Наполнения туда не поедет. Её почти распустили после Хэлма. Канцелярия не поедет, она боится. Реестр… — женщина в сером чуть улыбнулась. — Реестр поехал бы. Но указ Императора говорит: «Остальные Посты посмотрит гильдия». Ваша гильдия, господин Тэйн. Вы хозяин Постов. Не я.

— И вы хотите, чтобы я посмотрел.

— Я хочу, чтобы вы поехали в Чёрный распадок, — ответила Иверна. — И вернулись. И рассказали мне, что там. Правду. При девочке, — она посмотрела на Ису. — Это будет равноценное. Империя получит Пост. Вы получите Остера.

— Иса?

— Правда, — ответила Иса. — Она думает, что там плохо. Очень. Она не знает, что именно. Поэтому не говорит.

* * *

— Я хочу его видеть, — сказал я. — Остера. Сейчас.

Иверна кивнула. Как будто ждала.

Она повела нас вниз. Не по белой лестнице. По внутренней. Через архив, длинный, с высокими окнами и полками до потолка. Мимо низкого здания с железными ставнями, откуда раньше, когда мне было восемнадцать, доносился детский смех, оборванный. Сейчас оттуда не доносилось ничего. Ставни были открыты. Внутри было пусто. Пыль на полу.

Я остановился.

— Крыло Вёсен, — произнесла Иверна, не оборачиваясь. — Пусто с тех пор, как вы его открыли. Двое, которых я тогда взяла, пишут теперь у меня в архиве, — она пошла дальше. — Один из них переписывал донесения с Четвёртого. Он первый заметил, что они одинаковые.

Я помнил тот день. Сорок три ребёнка на пороге. Ключи на ступенях.

* * *

Остер сидел в комнате без теней.

Я понял это не сразу. Комната была маленькая, белая, с белыми стенами и белым потолком. И в ней горели лампы. Двенадцать. На стенах, на потолке, на полу. Со всех сторон. Свет шёл отовсюду, ровный, белый, и под Остером не было тени. Совсем. Он сидел на белой скамье, и вокруг него было белое, и он был единственное тёмное пятно в комнате.

Тени не выносят многих огней. Так держат Серпа.

Он был худой. Очень. Светлые волосы отросли до плеч. Лицо узкое, бледное. На руках белые перчатки, те же, что я помнил с корабля в Зубах, только грязные. Он сидел, сложив руки на коленях, и смотрел в стену.

Когда мы вошли, он поднял голову.

Посмотрел на Иверну. Без выражения. Потом на Ису. Потом на меня.

Потом на мою грудь. Туда, где под рубахой висела капля.

— Сын Каэлена, — произнёс пленник. Голос был хриплый, как у человека, который давно не говорил. — Ты пришёл посмотреть на меня в клетке?

— Я пришёл забрать тебя, — ответил я.

Остер засмеялся. Коротко. Некрасиво.

— Кольцо за упавшими не возвращается, — бросил он. — Я говорил тебе.

— Я не Кольцо, — возразил я. — Ирвен просит. Он ждёт тебя на Белом острове. У Морны.

* * *

Остер перестал смеяться.

Он смотрел на меня долго. Его лицо не менялось. Только руки на коленях сжались в белых перчатках.

— Ирвен, — повторил он.

— Он вынул нить у Голоса. Второй раз. В Ксарете. Он сказал: верни мне Остера, тогда я скажу тебе остров.

— Какой остров?

— Где держат Сэру.

Остер закрыл глаза.

— Сэру, — повторил он. — Бабку твою. Ту, что поёт, — Остер не открывал глаз. — Я её слышал один раз. Мне было четырнадцать. Совет привёз её на Белый остров, на одну ночь, чтобы Морна посмотрела. Она пела в гроте. Я стоял у входа. Я Серп с девяти лет. Я не плакал с девяти лет. А тогда стоял у входа в грот и плакал, — он открыл глаза. — Ирвен знает остров. Он один из трёх. Если он сказал, что скажет, он скажет. Он не врёт. Почти никогда.

— Иса?

— Правда, — ответила Иса. Она стояла у двери и смотрела на Остера. — Он правда плакал.

Остер посмотрел на неё.

— Девочка, которая слышит горечь, — произнёс он. — В Зубах ты была меньше.

— Я выросла, — ответила счетовод.

* * *

Я снял шнурок с шеи. Показал ему каплю.

Остер встал. Медленно. Подошёл. Остановился в шаге. Он смотрел на мотылька в янтаре, на оба раскрытых крыла, разных, на усы, которые смотрели на юг.

— Оба крыла, — прошептал он. — В Зубах было одно, — Остер поднял на меня глаза. — Когда?

— Осенью. В Ксарете. Когда рядом был Ирвен. У него тоже мотылёк. Во флаконе. Отец сплёл ему в семнадцать. Они чуют друг друга.

Остер протянул руку. Не коснулся капли. Остановил руку в волосе от неё.

Мотылёк в янтаре повернул усы. К нему. На вдох. Потом снова на юг.

Остер отдёрнул руку. Как от огня.

— Он меня учил тенникам, — совсем тихо произнёс Остер. — Двадцать два года назад. Последний. Плащ из ночи. Он сказал мне тогда: «Остер, тенники прячут не тебя. Они прячут то, что ты не хочешь, чтобы видели». Я не понял. Мне было восемнадцать, — пленник посмотрел на каплю. — Мотыльки распускаются, когда создатель умирает. Он учил нас этому в первый же день.

— Знаю.

— Этот не распустился.

— Знаю.

Остер долго молчал. Потом вернулся на скамью. Сел. Сложил руки на коленях.

— Чего хочет Империя? — спросил он Иверну.

— Пост, — ответила она. — Четвёртый. Чёрный распадок. Господин Тэйн поедет. Если вернётся с правдой, вы его.

Остер повернул голову ко мне. Очень медленно.

— Чёрный распадок, — повторил он.

— Ты знаешь его?

— Я там был, — ответил Остер. — Восемь лет назад и потом ещё четыре года. По заказу Совета, — он смотрел на меня, и в его лице было что-то, чего я не видел у него никогда. Ни в Зубах, ни на корабле. Стыд. — Мы забирали оттуда детей. Устойчивых. Тогдашний смотритель продавал их Кольцу. По трое в год. Это были последние дела Кольца в Империи перед тем, как Кольцо перестало покупать, — он помолчал. — Потом смотрителя сменили. Я не знаю, кто новый.

Иверна стояла у двери. Её бесцветные глаза были неподвижны.

— Это не записано, — тихо произнесла она. Не нам. Себе.

— Возьмите меня с собой, — попросил пленник. — Я знаю дорогу. Я знаю шахты. Я знаю, где там тени, — он посмотрел на Иверну. — Под поручительство. Пункт девятый. Девочка знает.

— Знаю, — подтвердила Иса.

Иверна смотрела на него долго. Потом открыла свою маленькую книжку. Записала что-то. Мелко. Быстро.

— Под поручительство господина Тэйна, — произнесла Иверна. — До возвращения из Чёрного распадка. Если вы попытаетесь уйти, господин Остер, я узнаю. Вы знаете, что я узнаю.

— Знаю, — ответил Остер.

— Иса?

— Правда, — кивнула Иса. — Оба.

* * *

У выхода из архива нас ждал Ферн.

Старый, сутулый, в нарукавниках, испачканных чернилами до локтей. Тот самый, что двадцать пять лет назад спрятал под рубахой тринадцатую папку, когда Тессин изъял двенадцать. Тот, что потом сам выбил на бронзе «Даровано. Исполнено». Он держал под мышкой пачку листов, перевязанную бечёвкой.

— Госпожа Иса, — произнёс он и поклонился ей. Не мне. Ей. — Я сделал, как вы просили.

Он отдал Исе пачку. Иса развязала бечёвку прямо там, у двери, под фонарём.

Донесения с Четвёртого Поста. Копии. Двадцать два листа, по одному на месяц, за два года. Ферн переписывал их сам, ночами, своей рукой.

— Подлинники у Реестра, — пояснил старик. — Их нельзя выносить. А копии можно. Я старый писарь. Я переписываю, как было. Каждую букву.

Иса положила ладонь на первый лист. Потом на второй. На третий. Быстро, один за другим, как перебирают чётки.

— «Спящий спокоен. Соли не требуется», — прочитала она вслух. — Двадцать два раза, — Иса подняла голову. — Тэйн. Горько. Все. Все двадцать два.

— Все одинаково горько?

— Нет, — ответила счетовод и нахмурилась. — Первые горько чуть-чуть. Как будто тот, кто писал, сам не знал, правда это или нет. А последние… — она положила ладонь на последний лист. Ноябрьский. — Последние горько, как полынь. Он знал, что врёт. И ему было страшно.

Ферн смотрел на неё. Старое лицо у него было очень довольное.

— Я же говорил Иверне, — произнёс он, — что девочке надо дать почерк. А не только голос, — мастер бронзы поклонился ещё раз, ниже. — Возвращайтесь, госпожа Иса. Мне нужен кто-нибудь, кто будет переписывать после меня. Я долго не протяну.

— Протянете, — возразила Иса.

— Горько? — спросил Ферн.

— Нет, — улыбнулась она. — Сладко.

Ферн засмеялся и ушёл в архив. Он шёл, придерживаясь за стену, и нарукавники у него на локтях белели в темноте.

* * *

Сорен сидел на ступенях у ворот, когда мы вышли. Уже совсем стемнело. Глаз над воротами светился в темноте, белым, как у кошки.

Сорен встал. Посмотрел на Остера. Остер посмотрел на него.

— Ты, — произнёс Сорен.

— Я, — ответил Остер.

— Ты в Зубах пытался меня зарезать.

— Пытался, — согласился пленник. — Ты шагнул. Тогда ты шагал на пять шагов. Сейчас?

— Сто двадцать, — ответил разведчик.

Остер долго смотрел на него.

— Хорошо сделано, — наконец произнёс он.

Сорен открыл рот. Закрыл. Посмотрел на меня.

— Это они так все говорят? — спросил он. — Серпы?

— Ирвен так говорит, — ответил я. — Остер у него учился.

— Противно, — признался Сорен. — Но приятно, — он подумал. — Больше противно.

Остер, кажется, почти улыбнулся. Почти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.